
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**БИНАРНАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ ПРИЧИН ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

© 2022 г. Х. Д. Аликперов

Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 14.10.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются причины индивидуального преступного поведения и существующие воззрения на данную проблему, рассматриваются различные пороки и их роль в формировании преступной мотивации. Выдвинута гипотеза, согласно которой многие виды преступлений не являются продуктом «социального конструкта». По мнению автора, они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им преступление — это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе *Homo sapiens* в алертном состоянии, который активируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог (не захотел) реализовать в рамках закона. На базе этой гипотезы разработана доктрина «Бинарная сингулярность причин преступности», которая принципиально отличается как от антропологической и биосоциальной, так и от социологической, а также других существующих теорий причин преступности.

Ключевые слова: преступление, генетические предпосылки, социальный конструкт, биологические, антропологические, социологические факторы, наследственность, геном, потребности, врожденные пороки, генотип, социальная среда.

Цитирование: Аликперов Х.Д. Бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения // Государство и право. 2022. № 1. С. 143–157.

DOI: 10.31857/S102694520018281-0

**BINARY SINGULARITY OF THE CAUSES
OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR**

© 2022 H. D. Alikperov

Centre of Legal Researches, Baku, Azerbaijan Republic

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 14.10.2021

Abstract. The article examines the causes of crime, analyzes the existing views on this problem. Various human vices and their influence on the formation of criminal motivation are investigated on the basis of modern achievements in the field of physiology, biology, genetics. A hypothesis has been put forward, according to which crime is not generated by social contradictions. According to the author, the causes of crime are not because of this world, they nest within the person himself in the form of a need, and the crime he commits is nothing more than a genetically determined objectified behavioral act of a destructive-volitional nature, based in the genotype of *homo sapiens* in alert a state that is activated by coupling with certain external factors of natural, technogenic or social properties, taking advantage of which, he satisfies his need, which has not previously been possible to realize in a legal way. On the basis of this hypothesis, the doctrine “Binary basis of the causes of crime” was developed, which is fundamentally different from both anthropological and biosocial, and sociological, chromosomal and other existing theories of the causes of crime.

Key words: crime, genetic background, social construct, biological, anthropological, sociological factors, heredity, genome, needs, congenital defects, genotype, social environment.

For citation: Alikperov, H.D. (2022). Binary singularity of the causes of individual criminal behavior // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 143–157.

Постановка проблемы. Профессия криминолога схожа с профессией врача. И если первый призван лечить людей от социально-правовых болезней, то второй – от физических. Но в обоих случаях важно, чтобы лекарь предварительно поставил больному точный диагноз и лишь затем разработал оптимальную схему его лечения.

Если эту аллегория перевести на язык криминологии, то станет очевидным, что для противодействия преступности необходимо предварительно дать ответы как минимум на следующие вопросы.

Первый. Существуют ли в культурной среде индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных форм поведения?

Второй. Все ли формы и виды преступности являются продуктом «социального конструкта»? А может значительная часть преступности (к примеру, насильственная, насильственно-корыстная и т.д.) – это исторически изменчивый многовекторный деструктивный феномен, утвердившийся задолго до возникновения государства и права, в силу чего этиология и бытие многих видов преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя?

Третий. Отражает ли все глубинные пласты причин преступности господствующая в криминологии парадигма, согласно которой под детерминантом преступности подразумевается комплекс социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность, если учесть, что в механизме детерминации преступного поведения часто участвуют и другие факторы как природного, так и техногенного характера?

Четвертый. А может внешние факторы природного, техногенного и социального свойства и вовсе не являются причиной преступности, а выступают лишь ее перманентными стимуляторами (поводом, условием, предлогом и т.д.)?

Пятый. Если внешние факторы не есть причина преступности, то что тогда замещает этот компонент в механизме детерминации преступного поведения?

Шестой. Если исходить из общепризнанной парадигмы, что ни одно явление в социуме не может произойти без соответствующей причины, то можно ли утверждать, что решения, поступки человека, в т.ч. и криминального характера, определяются его потребностями, т.е. психофизиологическим фактором, формирующим мотивацию

поведения и выступающим внутренним возбудителем активности?

Седьмой. Всегда ли свобода воли человека является доминантой в механизме индивидуального преступного поведения, или таковой порой могут выступать и неблагоприятные обстоятельства, принуждающие лицо подчинить свою волю возникшей ситуации и сообразно ей действовать, если под свободой воли подразумевать возможность человека делать свой выбор вне зависимости от обстоятельств? А может свобода воли не более чем фикция, а воля есть продукт подсознания, в силу чего сознание лишь его неспешный ретранслятор?

Лишь предварительно дав объективные ответы на эти, как и на некоторые другие вопросы патогенеза преступности и ее причин, можно приблизиться к истокам преступления, попытаться расшифровать его матрицу и алгоритм бытия, выработать адекватные меры социального контроля над преступностью, выявить и минимизировать внешние факторы, выступающие триггером для конкретных преступлений.

Восприятие проблемы. С древних времен к познанию причин преступности прикованы взоры лучших умов человечества, причем, не только юристов, но и представителей других общественных и естественных наук. Однако ни столь пристальное внимание к этой злободневной проблеме, ни внушительный объем знаний, накопленных за истекшие века в этой сфере, и т.д. не позволили сформировать целостное представление об этом феномене. Поэтому многие глубинные пласты причин преступности по сей день остаются для науки неизведанными. По этой причине «наши традиционные представления о преступности, криминогенных факторах, социальном контроле над преступностью все меньше и меньше соответствуют социальным реалиям»¹.

И это понятно, если учесть, что, во-первых, поиск причин преступности достаточно динамичный мыслительный процесс, в силу чего он постоянно эволюционирует, а существующие учения об этом феномене время от времени пересматриваются, дополняются, меняются или замещаются. Возникают новые гипотезы о причинном комплексе, а предыдущие учения по данной проблематике уходят в архивы истории криминологии или других наук, занятых поиском

¹ Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021. С. 5.

причин преступности. И этот круговорот изменчивости продолжается с древних времен, в силу чего обсуждаемая проблема и ныне находится в фокусе внимания ученых многих отраслей науки.

Во-вторых, «многие представления, сколь бы правдивыми они ни казались, со временем устаревают, теряют свою обоснованность. Соответственно, не могут не меняться методы и результаты научных исследований — девиантологических, криминологических»².

В-третьих, каждая ступень эволюционного развития порождает в социуме новые формы и виды преступности, что, естественно, расширяет границы причинного комплекса рассматриваемого феномена и приумножает его неисследованные ряды.

В-четвертых, внутренний мир человека, в т.ч. и как субъекта преступления, образно говоря, бесконечная бездна, а многие потенциалы его мыслительной деятельности покрыты тайной в глубинных слоях человеческой психики, овладение которой пока неподвластно человеку. В частности, «мы не знаем ответа на вопрос, в чем заключается природа человека, о котором мы знаем ненамного больше того, чем знали две с половиной тысячи лет назад. Науки, которые непосредственно изучают человека — физиология, медицина, психопатология, экономика, социология и другие — продвинулись далеко вперед и достигают уровня точности, вполне сопоставимого со строгостью знаний о природе. Но все эти и другие сами по себе весьма ценные знания о человеке не складываются в целое, не дают ответа на вопрос, что есть человек, обогащают знания о человеке, но не проникают в его тайну»³.

Быть может, по этой причине криминологи теряются в догадки: «Почему из двух людей, по стечению различных жизненных обстоятельств оказавшихся в одной и той же криминогенной ситуации, один совершает преступление, а другой — нет?»⁴.

Отсутствие однозначного ответа на этот, как, впрочем, и на многие другие вопросы криминологии, объясняется не только пробелами в сфере человековедения, девиантологии, криминологии и т.д., но и их архисложностью. К примеру, трудно однозначно ответить на этот вопрос, если учесть, что «человек не имеет перед собой прозрачной, ясной картины сложного устройства собственного внутреннего мира со всеми его подводными течениями»⁵,

² Гилинский Я. И. Указ. соч. С. 6.

³ Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2008. С. 9.

⁴ По мнению Э. Фромма, «только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению» (см.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994).

⁵ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2008. С. 11.

в силу чего «даже для самого себя является извечной загадкой»⁶. Поэтому «никто не может сказать, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто — преступником»⁷. Здесь все зависит от того, как лягут хромосомы на начальном этапе эмбрионального периода человека, что, по утверждению специалистов, происходит хаотичным образом.

Рассматриваемая проблема усугубляется и тем, что «все, что знает человек и что может понять, ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает» (Сократ), т.к. «существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок» (Паскаль). Например, как это ни парадоксально, но человек даже самого себя часто не контролирует полностью, поскольку «управляет ситуацией мозг, а не человек»⁸. Иллюстрацией к сказанному могут служить неодолимые в своем могуществе крайне навязчивые идеи, немислимые желания или бесовские мысли, порой произвольно посещающие человека, которые по своему содержанию иногда настолько греховны, гнусны или невообразимо аморальны, что их возникновение вызывает у него жуткое смятение.

Подобные перманентные вожеления — суровая реальность повседневного бытия мыслительной деятельности Homo sapiens. Эта субстанция возникает из неоткуда и молниеносно интегрируется в твой «Ид»⁹, после чего несет тебя как

⁶ Горшенков Г. Н. Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 163.

⁷ Бастрыкин А. И. Рецензия на книгу профессора И. М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. — 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0

⁸ Васильченко М. Человек не контролирует себя полностью. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (дата обращения: 07.05.2021). В 1983 г. американский ученый-нейробиолог Бенджамин Либет с целью изучения свободы воли человека провел эксперимент — использовал электроэнцефалограмму, чтобы показать, что активность в двигательных центрах коры головного мозга может быть зафиксирована за 300 мс до того, как человек почувствует, что он решил пошевелиться. Другая лаборатория продолжила его работу с использованием магнитно-резонансной томографии (МРТ). Людей просили нажать на одну из двух кнопок, в то время пока они следили за расположенными в случайной последовательности буквами, появившимися на экране. Они сообщали, какую букву видят в момент, когда принимали решение нажать ту или другую кнопку. Экспериментаторы обнаружили, что два определенных участка мозга участников эксперимента уже содержали информацию о том, какую кнопку нажмут эти люди, за целых 7–10 сек. до принятия сознательного решения. Эксперименты, проведенные в 2008 г. нейрочеловеками Дж.-Д. Хейнсом и Ч. С. Суном, подтвердили результаты исследований Либета (см.: Медведев Ю. Сам себе зомби. Что на самом деле управляет поступками человека. URL: <https://rg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (дата обращения: 21.03.2021)).

⁹ Одна из трех ипостасей Эго. Будучи бессознательным и иррациональным, Ид подчиняется принципу удовольствия (см.: Ид, Эго и Супер-Эго, защитные механизмы или теория Фрейда. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (дата обращения: 08.01.2021)).

ураганные волны ялика во все тяжкие. Естественно, у любого лица, столкнувшегося с таким ментальным отклонением, резко сужается диапазон восприятия. Правда, иногда человеку удается отвести от себя подобные наваждения, вытеснить их из сознания. Но в ряде случаев некоторые из них настолько прочно гнездятся в «Эго» Homo sapiens и интенсивно рецитируют в нем, что ему не удается от них избавиться. Причем, порой это происходит так стремительно и неистово, что защитные функции его «Супер-Эго» парализуются, а воля выходит из-под контроля — индивид лишается возможности противиться навязанным ему порочным идеям или омерзительным желанием. И это при том, что лицо осознает их пагубность, но, тем не менее, нередко «посягает даже на то, о чем оно и помышлять не смело ранее»¹⁰.

Этот краткий обзор амбивалентной природы личности человека и особенностей функционирования его головного мозга показывает, что человек «как вещь в себе» (Кант), во мраке души своей таит такие тягостные «стоп-кадры» отдельных мгновений прожитых лет с их бесовской сюжетной линией, что даже мимолетное воспоминание о них бросает его в дрожь.

Данный феномен достаточно тонко описан Ф.М. Достоевским в романе «Униженные и оскорбленные». Так, по мнению автора, «если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»¹¹.

В свете сказанного представляются спорными расхожие утверждения, что человек, мол, рождается чуть ли не как агнец божий или как «добрый самаритянин»¹² либо как «чистый лист», незапятнанный девиантными устремлениями, и т.д. «Современные науки о разуме, мозге, генах и эволюции убедительно демонстрируют ошибочность такого

¹⁰ Мор Т. Утопия. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (дата обращения: 09.06.2021). Этот парадокс А.И. Бастрыкин объясняет тем, что, совершая подобные деяния, «человек зависит от тех причин, которые находятся вне его воли, и он не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого» (см.: Бастрыкин А.И. Указ. соч.).

¹¹ Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Роман. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (дата обращения: 12.05.2021).

¹² Как писал Ф. Энгельс, «изучая сравнительную физиологию, начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличиванию человека над всем прочим зверьем» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104).

подхода»¹³, т.к. «деструктивный букет» заложен в матрицу человека задолго до его рождения, поэтому «люди рождаются порочными» (Г. Тард)¹⁴.

Дело в том, что, во-первых, в основе деятельности человека лежит программа, заложенная в него с момента зачатия¹⁵, а во-вторых, с момента своего сотворения «власти над мозгом мы не имеем, он принимает решения сам, “Я” и мой мозг разные субстанции. И это ставит нас в очень щекотливое положение»¹⁶. Такая жизненная диспозиция наиболее выпукло проявляется в случайно возникающих ситуациях. Одной из разновидностей таких случайностей является спонтанно сложившаяся криминогенная обстановка, на которую не каждый порой может отреагировать адекватно, так как часто «бессилие благоразумия превращает человека во всемогущего злодея»¹⁷. Этому в немалой степени способствуют и такие качества личности, как «стремление не только и не настолько к равенству, сколько к утверждению своего превосходства, руководствуясь при этом лишь собственными интересами»¹⁸, причем, порой до такой степени, что «готов жиром ближнего смазать себе сапоги» (Шопенгауэр)¹⁹.

Анализируя эти темные качества личности, Артур Кестлер пришел к выводу, что человек — «ошибка эволюции», т.к. в его генетической программе отсутствует механизм, ограничивающий убийство им особей своего вида (такая программа есть у большинства животных). Если бы в геноме человека была такая «стоп-программа», то история была бы совсем иной: не было бы человеческих жертвоприношений, массовых казней

¹³ Пинкер Ст. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.

¹⁴ См.: Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.

¹⁵ См.: Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.

¹⁶ По мнению Т. Черниговской, мозг в 800 трлн раз сложнее, чем «я», в котором он размещен. Он сам решает, как вести себя в той или иной ситуации, и определяет поведение человека (см.: Черниговская Т. Линия жизни. Телеканал «Культура» (дата обращения: 04.05.2021)).

¹⁷ Горшенков Г.Н. Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 17.

¹⁹ Свидетельством сказанному может служить пример из Северной Кореи. Голод, с которым столкнулись жители этой страны в начале 1990-х годов, был настолько ужасающим, что люди убивали и ели людей (см.: Беженка из Северной Кореи: Люди теряли рассудок от голода, ели даже детей. URL: <https://minval.az/news/124133653> (дата обращения: 27.06.2021)).

и пыток, кровопролитных войн²⁰. Так, объясняя этиологию этого феномена, Кестлер отмечал, что «плохо сбалансированы три основные эволюционные подсистемы человеческого мозга – подкорка (от пресмыкающихся), древняя кора (от млекопитающих) и новая кора, обеспечивающая высшие психические функции человека». «Поэтому, когда на операционном столе лежит человек, – пишет он, – то это одновременно крокодил, лошадь и человек, так как ускоренное формирование мозга не обеспечило согласования трех его подсистем, что является истоком иррациональных поступков, взрыва агрессии, эмоциональной внушаемости человека и т.д.»²¹.

Как видим, природа вставила в архитектуру человека солидный «багаж» разнообразных деструктивных наклонностей, в силу чего он порой представляет собой «смесь ада с раем»²². И это, увы, реальность человеческого бытия. Поэтому вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в социуме есть индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных форм поведения.

Это нереально, если учесть, что наряду с перчисленными выше темными сторонами личности существуют и такие врожденные пороки²³, как агрессивность²⁴ и алчность, зависть и горды-

²⁰ Цит. по: Академик Вячеслав Степин: станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции? URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.09.2020).

²¹ Там же.

²² Наталия Алекперова: «Я – женщина, я смесь из ада с раем». URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100010924903598> (дата обращения: 12.06.2021).

²³ По мнению Э. Фромма, «агрессивное поведение людей, проявляющееся в преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения, имеет филогенетические корни, оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения. Иными словами, такое поведение имеет биологические формы проявления» (см.: Фромм Э. Указ. соч.).

²⁴ О генетической природе агрессивности свидетельствует и открытие генетиков, которые обнаружили у человека ген агрессивности (MAOA на X-хромосоме) (см. подр.: У людей есть ген агрессивного поведения. URL: <https://mel.fm/paushprop/835627-aggression> (дата обращения: 11.06. 2021)). Наличие в геномном типе человека гена агрессии подтверждают и исследования российских генетиков (см.: Драгович А. Ю., Боринская С. А. Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. № 12; Давыдова Ю. Д., Литвинов С. С., Еникеева Р. Ф. и др. Современные представления о генетике агрессивного поведения // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. Т. 22. № 6). Помимо этого исследователи Машаген, Хилбих и Зеттлер открыли существование общего центра негативных особенностей поведения человека, который они назвали «темным ядром личности» (D-фактор). Именно этот фактор влияет на различные типы безрассудного и злонамеренного поведения людей (см.: Найден D-фактор – «темное ядро личности». URL: (дата обращения: 12.04.2021)).

ня, жадность и сребролюбие, чревоугодие и блуд и т.д., которых не только крайне сложно искоренить из сознания человека, но и в процессе онтогенеза они окутывают некоторых людей ресентиментными доминантами, а в дальнейшем становятся источником диверсификации его сознания, трансформации мировоззренческих ценностей, формирования девиантного поведения, так как «самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному»²⁵.

Поэтому при исследовании причинного комплекса преступности нельзя упускать из виду подобные генетически обусловленные негативные потребности личности, памятуя, что человек в своей повседневной деятельности подчиняется не только социальным, но «и фундаментальным биологическим законам»²⁶, в силу чего многие преступления являются «результатом воздействия подсознательных инстинктов, которые являются врожденными»²⁷.

Если с этой точки зрения проанализировать имеющиеся учения о причинном комплексе преступности, то станет очевидным, что их авторы в своих доктринах уделяют мало внимания врожденным свойствам личности и их роли в механизме индивидуального преступного поведения. Отсюда и одна из причин того, что существующие воззрения на причины преступности в своем большинстве представляют собой лишь вершину айсберга, т.к. многие из них отражают только придаточные корни рассматриваемого феномена.

Между тем корни причин преступности находятся не в том пласте преступноведческой почвы, дойдя до которого, отдельные криминологи восприняли их как истоки причин преступности. А вот если бы эти исследователи, докопавшись до придаточных корней, не восприняли бы их за корень детерминанта преступности, а продолжили бы свои изыскания, то дойдя до глубинных пластов рассматриваемой проблемы, они обнаружили бы, что опорой корневой системы причин преступности являются потребности человека. И тогда стало бы очевидно, что в механизме детерминации преступного поведения доминантой являются не социальные, природные или техногенные факторы, а сугубо биологические, в силу чего преступность

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1982. С. 102.

²⁶ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 15.

²⁷ Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 557.

есть не что иное, «как внутренняя предрасположенность индивида к совершению преступлений, сформировавшееся у него свойство поступать в определенных ситуациях преступно»²⁸.

Существующие подходы к решению проблемы. Имеется достаточно много учений о причинном комплексе преступности. Так, классическая теория связывает этот вопрос с абсолютной свободой воли личности; социологическая – с воздействием общественной среды на личность; биологическая – с влиянием биологии и генетики и т.д. «Их эволюция продолжается до сих пор, и они постепенно стали проникать друг в друга, формируя эклектическую теорию множественности факторов»²⁹. Но, невзирая на столь правовой политеизм, увы, ни в одном из них не дана развернутая картина причин преступности. И это естественно, поскольку, во-первых, какими бы ни были те или иные учения убедительными, со временем в них выявляются отдельные шероховатости, а порой и ошибочные константы.

Во-вторых, не существует исследований, свободных от тех или иных пробелов и изъянов. «Пределы истины каждого научного утверждения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»³⁰. Иными словами, наука с момента своего возникновения находится в вечном круговороте ментальной энергии, и это непостоянство невозможно остановить, так как без него остановится прогресс. Как писал Б.Н. Чичерин, «наука тогда только идет твердым шагом и выверенным путем, когда она не начинает всякий раз сызнова, а примыкает к работам предшествующих поколений, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложным, восполняя проблемы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало проверку логики и опыта»³¹.

В-третьих, нельзя забывать, что наука развивается спиралевидно, где новый виток развития опирается на достижения и промахи предыдущих, в силу чего любая теория, какой бы она ни была совершенной, в последующем может быть опровергнута. Все это позволяет сказать, что абсолютной

истины в науке (прежде всего в общественных) не бывает, в силу чего ни одно из существующих воззрений на причинный комплекс преступности не может быть принято за истину в последней инстанции.

С учетом вышеизложенного предпримем попытку кратко поразмышлять над некоторыми из них.

Начнем с антропологического подхода. Во второй половине XIX в. Ч. Ломброзо выдвинул доктрину прирожденного преступника, согласно которой преступниками не становятся, а рождаются. В рамках этой доктрины он разработал систему антропологических признаков, наличие которых, по его мнению, позволяет идентифицировать потенциального преступника еще до совершения им преступления. Такими признаками он считал сплюснутый нос, длинные пальцы, редкую бороду, низкий лоб, большие челюсти и другие внешние признаки, посредством которых попытался доказать наличие корреляции между анатомическими и физиологическими особенностями человека и его склонностью к совершению преступлений. При этом Ломброзо считал преступников «особой разновидностью рода человечества, особым ненормальным существом, наделенным специфическими аномалиями»³², которые к тому же, по его мнению, носят наследственный характер. Правда, в дальнейшем он несколько раз вносил коррективы в свое учение, но в целом это не меняло его сути.

Дело в том, что в своем учении Ломброзо центр тяжести причин преступности переносит с генетических основ этого феномена и его социальных, природных, техногенных и т.д. триггеров на крайне шаткие внешние признаки человека. В этом главная методологическая ошибка незабвенного автора теории «Преступный человек», в которой он за основу причин преступности взял фенотип, а не генотип человека, хотя, как известно, генотип определяет фенотип³³. Вследствие этого заблуждения в его учении форма была принята за содержание и тем самым оставлены в тени генетические предпосылки преступности и ее внешние детерминанты.

Биосоциальный подход³⁴. Учение Ломброзо о преступном человеке, заложившее основу биосоциальной теории преступности, имело как своих

²⁸ Шестаков Д.А. Криминология: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 135, 136. Такого же мнения придерживается и А.Н. Игнатов: «Что касается генетической склонности человека к преступному поведению, ее заложенности в базовых человеческих свойствах, в ментальной и психологической конструкции человека, т.е. в нас самих, то сущность преступности – это врожденное генетическое качество» (см.: Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2016. С. 69).

²⁹ Лунеев В.В. Криминология. М., 2016. С. 45.

³⁰ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

³¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1904. С. 38.

³² Познышев С.В. Предисл. к кн. Э. Ферри «Уголовная социология». М., 1908. С. 10.

³³ См.: Прирожденный преступник: теория Ломброзо. URL: <https://pravo.ru/review/view/140647/> (дата обращения: 21.01.2021).

³⁴ Как отмечает В.Н. Ларин, «биосоциальная теория преступности представляет собой синтез биологических (в том числе антропологических) и социальных причин преступности» (см.: Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // Вопросы рос. юстиции. 2020. № 9).

адептов, так и противников со стороны генетиков, философов, криминологов и т.д. Так, представители советской школы криминологии в категоричной форме выступали против учения о преступном человеке и утверждали, что причины преступности заключаются в пережитках капитализма³⁵. К примеру, И.И. Карпец полагал, что «увлечение патологией, связанной с физиологическими особенностями человеческого организма, приведет в болото биокриминологического ломброзианского толка»³⁶.

Профессор И.С. Ной также категорически выступал против учения о прирожденном преступнике. Однако в отличие от других известных советских криминологов он достаточно оригинально объяснял причины преступности в социалистическом обществе. Так, согласно его гипотезе, «поскольку социалистический строй сам по себе не содержит причин преступности и в социалистическом обществе нет факторов, делающих неизбежными преступные проявления»³⁷, но, тем не менее, она продолжает существовать в СССР, значит, она носит характер не общественного, а биологического явления. Поэтому «независимо от среды человек может не стать ни преступником, ни героем, если родится с иной программой поведения»³⁸. Этими выводами он одновременно «убил двух зайцев»: подверг критике учение Ломброзо и выдвинул собственную гипотезу, согласно которой при социализме причины преступности носят не антропологический и не социологический характер, а исключительно биологический, а социальная среда является лишь их условием. При этом под прирожденной программой человеческого поведения он имел в виду и набор наследственных задатков, в том числе патологического свойства, передаваемых по наследству. Иными словами, И.С. Ной причины преступности видел в плохом наследстве. Не отказывая в наличии внутренней логики в смелой гипотезе незабвенного Иосифа Соломоновича о причинах преступности и не исключая влияния наследственности на поведение личности, вместе с тем это влияние нельзя возвышать в ранг абсолюта. Так, соглашаясь с ним в том, что социальная среда выступает в механизме детерминации преступного поведения лишь как условие, в то же время его утверждение о том, что патологические

свойства личности, в частности неблагоприятная наследственность, являются ведущим звеном в механизме преступного поведения, представляется сомнительным. Ведь наследственность – это совокупность природных свойств организма, полученных от родителей. Отталкиваясь от этой парадигмы, становится очевидным, что, во-первых, не все люди, имеющие отрицательную наследственность, совершают преступления. В качестве иллюстрации к сказанному можно назвать детей, к примеру, таких известных личностей, как писателя Ф. Достоевского, конструктора С. Королева, актера Г. Жженова, полководца К. Рокоссовского и сотни тысяч других, которые, как известно, были ранее судимы, причем, некоторые неоднократно. Но, невзирая на это, их дети были добропорядочными людьми. Во-вторых, если причины преступности в дурном наследстве, то почему тогда из одной парочки близнецов, живших под сердцем ранее судимой матери девять месяцев, впоследствии один стал конструктором, а другой – преступником? В-третьих, даже гипотетически трудно предположить, что свыше 400 млн лиц, ежегодно совершающих в мире преступления³⁹ (речь идет о зарегистрированных деяниях), страдали негативной наследственностью, а их родители имели криминальное прошлое.

В криминологической литературе существуют и другие взгляды на биосоциальные причины преступности, концепция которых основана главным образом на синтезе биологических, антропологических и социальных причин преступности. Поэтому одни авторы связывают биосоциальные причины преступности с т.н. «опасным состоянием личности», другие – с психоаналитическим учением З. Фрейда, третьи – с психопатологическими факторами или наследственной предрасположенностью (О. Лонге, О. Кинберг), четвертые – с расовой теорией или теорией конституционального предрасположения и т.д. Эти учения, как и их принципиальные издержки, достаточно подробно рассмотрены в юридической литературе⁴⁰, что освобождает автора статьи от необходимости вновь возвращаться к этой проблеме.

Социальные причины преступности. Трендом в рассматриваемой проблеме является учение о социальной обусловленности преступности. Ни по одному учению о причине преступности не написано столь великое множество работ, хотя эти произведения содержат, по сути, один и тот же тезис: в механизме детерминации преступного поведения доминантами выступают социальные явления. Так, с незапамятных времен многими исследователями

³⁵ См., напр.: Герцензон А.А. Против биологических причин преступности (очерк первый) // Вопросы предупреждения преступности. М., 1966. Вып. 4. С. 12, 13; Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Указ. соч.

³⁶ Карпец И.И. О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. государство и право. 1964. № 4. С. 96.

³⁷ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 62.

³⁸ Там же. С. 107.

³⁹ См.: В мире каждый час совершается около 200 тысяч преступлений. URL: <https://www.newsru.com/crime/14Apr2004/crime.html> (дата обращения: 22.08.2021).

⁴⁰ См., напр.: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Указ. соч. С. 556.

предпринимаются попытки скрестить преступность и социум. Поэтому придумали формулу – преступность порождена социальными противоречиями.

О социальных причинах преступности писали Аристотель и Платон, Т. Мор и Дидро, Вольтер и Ч. Беккариа. На этот детерминант преступности указывали и такие мыслители, как Локк, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Бентам и др.⁴¹ Например, родоначальник социологической теории преступности А. Кетле писал: «Общество заключает в себе зародыш всех преступлений потому, что в нем заключаются условия, соответствующие их развитию»⁴².

Г. Тард полагал, что рост преступности связан с отрицательным воздействием антиобщественной среды, снижением уровня моральных и культурных традиций, стремлением к власти и непосредственно с самой властью над неограниченными материальными ресурсами⁴³.

В СССР многие ученые тоже видели причины преступности в социальных противоречиях, однако при этом они считали, что преступность хотя и есть негативное социальное явление, но порождена она пережитками капитализма и обострением классовой борьбы⁴⁴.

Не избежали этого искушения и некоторые корифеи советской криминологии. Так, И.И. Карпец и В.Н. Кудрявцев утверждали, что «как следует из историко-материалистического анализа развития человеческого общества, вся история человечества убедительно доказывает, что преступность – социальное, исторически обусловленное явление классового общества»⁴⁵. По мнению советского криминолога А.А. Герцензона, «поскольку преступность является социально обусловленной, то нет необходимости вообще даже пытаться искать биологические истоки поведения, это ведет к игнорированию реальной природы преступления, которое является

социальным явлением и должно порождаться социальными же причинами»⁴⁶.

Теория «социального конструкта». Привычка априори верить всему заморскому, безоглядно опираться на многие мнимые «европейские ценности», причем, нередко в ущерб собственным непреходящим ценностям, в т.ч. и в сфере права, не учитывать собственные системообразующие компоненты, обусловленные культурно-историческим наследием и духовно-нравственными основами, привела к тому, что в криминологической литературе стран СНГ порой преобладает позиция зарубежных криминологов, мнение которых некоторые постсоветские авторы выдают чуть ли не за божественную истину.

В качестве примера можно сослаться на распространенное на постсоветском пространстве учение о «социальном конструкте», адепты которого не только хвалебными возгласами возвеличивают со страниц криминологической литературы авторов сего учения, которые, кстати, «заимствовали» эту идею у древних римлян, но и выводят из него шокирующую здравый смысл теорему: причины преступности в законодательстве. Так, считая, что преступность есть не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер, Б. Спиноза писал: «Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт. В естественном состоянии нельзя представить себе преступление; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно»⁴⁷. Голландский криминолог Л. Халсман пошел еще дальше. По его мнению, «преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности». В унисон ему твердит М. Робинсон, который полагает, что «понятие преступность есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка (invented) людей»⁴⁸. Такого же мнения придерживался и норвежский криминолог Н. Кристи⁴⁹.

⁴¹ См.: Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 19.

⁴² Цит. по: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 2004. С. 47.

⁴³ См.: Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. М., 2010. С. 112.

⁴⁴ Против признания преступности социальным явлением выступает проф. Д.А. Шестаков, по мнению которого «преступность – это сама закономерность, в силу которой извечно совершается множество преступлений, а преступления – внешняя форма ее проявления. Вот почему нельзя в строгом смысле слова именовать преступность явлением» (см.: Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. С. 15, 18).

⁴⁵ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 63, 341.

⁴⁶ Цит. по: Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 330.

⁴⁷ Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 554.

⁴⁸ Цит. по: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова.

⁴⁹ См.: Гилинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня. 2009. С. 331.

Иными словами, получается, что в возникновении и существовании преступности виновен только законодатель. Именно так считает сторонник «социального конструкта» Я.И. Гилинский, с точки зрения которого главная и единственная «причина» преступности – законодатель, сотворивший уголовный закон⁵⁰. Более того, в другом своем произведении он утверждает, что преступность – искусственный социальный конструкт, не имеющий *per se* качественной определенности в реальной действительности⁵¹.

Мягко говоря, это более чем спорное умозаключение. Несмотря на все свое уважение к отдельным адептам этого референта, вместе с тем здравый смысл подсказывает, что эта теория по многим параметрам ошибочна. При этом хочу подчеркнуть, что такая авторская позиция связана не столько с вопросами истинности или приемлемости социального конструкта, сколько с попыткой провести водораздел между ним и теми объективными данными, которыми располагает наука (биология, психология и т.д.) по вопросам, близким к проблемам изучения причин преступности. Полагаю, что такая мысленная демаркация позволит найти «ключ Соломона», которым можно отворить замки хранилища объективного ответа на поставленный вопрос.

Безусловно, нет спора о том, что по форме преступления – социальный конструкт, т.е. результат человеческой деятельности, в процессе которой решается вопрос о том, что признать преступлением, а что – нет. Реализуя эту необходимость и стремясь создать правовые основы противодействия злу, именуемому с середины XVII в. на Руси преступлением, законодатель стремится из бесконечно большого объема анализируемой правовой энтропии, крепко обвившей своими щупальцами все сегменты социума, выбрать наиболее общественно опасные ее виды и облечь их в уголовно-правовую оболочку. Из этого посыла следует, что этиология преступности как многофакторной исторической реальности, носящей к тому же лабильный характер, ни на йоту не зависит от воли законодателя, т.к. она возникла на Земле еще задолго до зарождения в ней государства и права. Это, во-первых.

Во-вторых, принципиальная методологическая ошибка адептов социального конструкта выражается в том, что сторонники этого учения в картине причин преступности фон приняли за фигуру, и на этой основе одна группа из них пришла к выводу, что преступность порождена законодателем,

⁵⁰ Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). С. 34.

⁵¹ См.: Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Росс. ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 382–398.

а другая – негативными социальными явлениями и т.д. Между тем в противостоянии с преступностью социальный конструкт выполняет лишь две операционные функции, причем, с формальной смысловой наполненностью: а) как нормативный регулятор круга деяний, признаваемых в социуме преступлением; б) как правовой механизм воздаяния за преступление, в котором четко очерчены виды наказания, его сроки или размеры, подлежащие применению к виновному за совершение того или иного преступления.

В-третьих, не отказывая в изящности словесной конструкции идиомы «социальный конструкт», вместе с тем сторонники этого тренда в своих исследованиях ставят во главу угла формальный (нормативный) подход к преступлению, а не его сущностную природу, без которой социальный конструкт выглядит полым, ретранслируя лишь известную формулу “Nullum crimen sine lege”. Поэтому если в рассматриваемом вопросе отделить зерно истины от обнимающих его плевел, то станет очевидным, что за пределами этой идиомы остаются такие принципиально важные константы, как причинный комплекс преступности, связь отдельного преступного проявления с природными, социальными и техногенными факторами, роль генетических предпосылок в механизме преступного поведения и т.д.

В-четвертых, ошибочность рассматриваемого концепта видится также и в том, что любой социальный конструкт всегда искусственен. Следовательно, раз преступление – искусственный конструкт, значит его можно изменить, реконструировать или удалить из Уголовного кодекса РФ. А этот постулат применительно ко многим видам умышленных преступлений достаточно утопичен, так как не всех их можно декриминализировать, даже если этого очень захочет законодатель. Здесь имеются в виду насильственные и насильственно-корыстные преступления против личности, повлекшие за собой смерть или причинение тяжких телесных повреждений (убийство, изнасилование и т.д.). Эти деяния всегда считались преступлением и останутся таковыми, пока существует человечество с его нравственными императивами.

В-пятых, нельзя согласиться с адептами социального конструкта и в том, что преступность не имеет качественной определенности в реальной действительности. Это не так. Не углубляясь в философские аспекты рассматриваемого вопроса, лишь отметим, что каждое преступление – это антропогенная данность, оно обладает воспринимаемой сознанием человека качественной определенностью (т.е. оно материально), в силу чего не только отражает устойчивое взаимоотношение своих составных элементов, совокупность которых

отличает его от других объектов (правонарушений), но и, невзирая на изменчивость своего бытия (формы и способы проявления), его матрица остается, по существу, той же, т.к. при всей своей волатильности изменяется лишь вариация проявления преступления. Иными словами, качественное изменение может быть связано как с превращением данного явления в другое, так и с изменением состояния и формы существования в сущность того же предмета. Применительно к преступлению это наглядно демонстрирует его категоризация в Уголовном кодексе РФ – небольшой или средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое. Как известно, их всех связывает один и тот же качественный фактор – признаки и элементы состава преступления. Наконец, нельзя забывать, что «свойство проявляется в способности материальных форм воспроизводить определенность других материальных форм в форме изменения собственной определенности в процессе взаимодействия с ними»⁵².

В свете сказанного возникает вопрос: как можно назвать «социальным конструктом», к примеру, чудовищные деяния садистов и маньяков, совершающих их ради удовлетворения своих маниакально-извращенных желаний (например, Чикатило, Брейвик, Говард, Сливко и др.)?

Думается, что деяний только этих лиц достаточно для выдвижения гипотезы, что не все преступления обусловлены социальным конструктом или господствующими в обществе социально-экономическими противоречиями либо психическими травмами, тяжелым детством и т.д., а вызваны исключительно потребностями. Ведь, как справедливо отмечает Д.А. Шестаков, «улучшение условий человеческой личности в тех странах, где оно имеет место, не обеспечивает ослабление преступности. Ни повышение общего благосостояния, ни расширение свободы и демократии, ни гуманизация государства и ослабление контроля за гражданами не только не уменьшают преступного множества, но, напротив, будут способствовать его увеличению»⁵³.

Как было отмечено выше, человек с момента рождения внутренне запрограммирован законами как добра, так и зла, в т.ч. и криминального характера. Конечно, общество может предпринять превентивные меры против некоторых пороков личности, временно минимизировать их проявление и т.д., а духовный потенциал и культурные институты общества – уменьшить количество совершаемых преступлений. Но полностью вытравить их из

генотипа человека не в состоянии ни медики, ни психоаналитики.

Все это свидетельствует, что причины преступности нельзя списывать на социальный конструкт или на комплекс издержек общества (экономических, социальных и т.д.), а природу преступления привязывать к закону, поскольку подобное понимание рассматриваемого феномена ограничивает поле познания его сущности. Истории человечества не известны общества, которым не был бы присущ феномен преступности, а многие виды преступлений совершались и до возникновения государства, законов, суда и т.д.

Поэтому, не отрицая наличия рационального зерна в учении о «социальном конструкте» некоторых видов преступлений и соглашаясь, что подобные деликты (*crime publicum*) являются продуктом интеллектуальной деятельности человека, в силу чего они могут быть в любое время декриминализованы, вместе с тем нельзя игнорировать и тот очевидный факт, что есть и естественные преступления (*crime naturale*)⁵⁴, которые хотя формально и привязаны к уголовному закону, но автономны от воли законодателя, т.к. являются неперенным спутником человеческого бытия, в силу чего общество принуждено сосуществовать с ними. Эти преступления посягают на сущностную природу человека и вневременную ценность его бытия, которые дарованы ему с момента рождения. По этой причине данные ценности неотчуждаемы и неприкосновенны, не могут быть отменены или сужены, а посягательство на них всегда признавалось, признается и будет признаваться преступлением. Другой вопрос, всегда ли законодатель признает те или иные опасные или омерзительные либо деструктивные деяния преступлением или считает, что некоторые из них вписываются в достаточно пеструю мозаику современного «демократического» общества либерального толка, в силу чего отпадает необходимость в их криминализации⁵⁵.

Все это свидетельствует, что в процессе криминализации мы часто имеем дело не только и не столько с сущностными свойствами того или иного негативного общественно опасного деяния, его реальной угрозой для индивидуума, социума

⁵⁴ Термин «естественные преступления» ввел в научный оборот итальянский антрополог Рафаэле Гарофало в своей книге «Криминология», вышедшей в 1885 г.

⁵⁵ Например, в ряде стран мира легализованы однополые браки, эвтаназия и т.д., а в некоторых из них до сих пор изнасилование жены не считается преступлением (см.: *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (*неокриминология*). С. 17). В США в штате Нью-Джерси с августа 2019 г. легализован брак между родными братом и сестрой (см.: В Нью-Джерси легализован брак между родными братом и сестрой. URL: <https://cosmo.kz/v-nyuu-dzhersi-legalizirovan-brak-mezhdu-rodnybratom-i-sestroj/> (дата обращения: 28.04.2021)).

⁵² Ленин В.И. Указ. соч. С. 91.

⁵³ Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. С. 34.

и государства, а главным образом с уровнем нравственного багажа законодателя, его мировоззренческих ценностей и правовой культуры, этнопсихологией и традициями той или иной нации (народа), их морально-нравственными императивами и т.д. Естественно, столь пестрая морально-нравственная панорама не может не отразиться на концепции социологического подхода к объяснению природы преступности. Однако это вовсе не дает оснований и далее сохранять парадигму, согласно которой в механизме преступного поведения доминирующую роль играют социальные причины. Не исключая взаимосвязи причинного комплекса преступности с социальными факторами, вместе с тем полагаем, что такая взаимосвязь не исчерпывает всей глубины рассматриваемого феномена.

Нельзя обойти молчанием еще один недостаток учения о социальной природе причин преступности. Исследования показывают, что в существующих учениях о рассматриваемом феномене допущена досадная методологическая ошибка при определении истоков причин преступности. Как известно, в них таковыми признаются только социальные явления. Так, утверждается, что под детерминантами преступности следует подразумевать комплексы негативных социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность. С этим соглашаются и многие криминологи. Между тем реальная действительность такова, что в механизме детерминации преступного поведения участвуют не только социальные, но и природные, и техногенные факторы и т.д., которые порой становятся пусковым механизмом преступления⁵⁶.

Этот далеко не полный перечень недостатков в существующих учениях о социальной природе преступности показывает, что социологический подход к объяснению причин преступности не лишен принципиальных пробелов, в силу чего это учение не может претендовать на незыблемую истину о детерминанте преступности.

Альтернативный взгляд на решение проблемы. Проведенные автором исследования и результаты интроспекций показывают, что нет такого осознанного решения или поступка человека, в т.ч. и криминального характера, которые не были бы продиктованы его потребностями, т.е. психофизиологическим явлением, формирующим мотивацию поведения человека и выступающим внутренним возбудителем его активности. Они предшествуют следствию и запускают причинно-следственную связь. Поэтому исходным фактором, дающим импульс запуску механизма индивидуального преступного поведения, всегда выступает опредмеченная потребность (желание) как

генетически заданная программа, которую невозможно «стереть» с матрицы человека.

Таким образом, становится очевидным, что доминантой (двигателем) индивидуального преступного поведения выступает неудовлетворенная потребность. Нельзя забывать, что «та или иная область только тогда является причиной конфликта (а преступление есть разновидность социального конфликта. — Х.А.), когда она выступает для его субъектов как потребность»⁵⁷. При этом она может быть приобретенной или генетически заданной, позитивной или извращенной, разумной или мнимой, реальной или воображаемой, устойчивой или ситуативной, явной или латентной; обусловлена биологической природой человека (в т.ч. инстинктом) или его честолюбием; формироваться под влиянием непредвиденных обстоятельств или источника повышенной виктимности; может быть постоянной или волатильной; продиктована экономическими неурядицами или чувством мести за поруганную честь и т.д.

Иными словами, «все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); «духовных» или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям)⁵⁸.

Порой потребность может характеризоваться и такими генетически запрограммированными побуждениями, как страсть к разрушению жизни, стремление ситуативного доминирования или к неограниченной власти над другим живым существом, преследовать целью избавиться от ненавистных лиц определенной национальности, оставить след в истории (синдром Герострата), поиск личной славы (синдром Чепмана — убийца Джона Леннона), самовыражение (синдром Чикатило), самоутверждение (синдром Раскольникова), носить агрессивный или альтруистический характер (синдром Деточкина) и т.д. По мере удовлетворения одних потребностей у человека возникают другие.

Из этого следует, что потребности человека носят перманентный характер. Однако, невзирая на всю бесконечность потребностей, в т.ч. и пагубные страсти, их можно условно подразделить на четыре группы:

⁵⁷ Зеленков М. Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). М., 2011. С. 35.

⁵⁸ См.: Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). С. 165.

контролируемые (избрание партнера для совместной супружеской жизни, выбор формы отдыха, средства передвижения и т.д.);

инстинктивные (дышать, спать, принимать пищу, воду, двигаться, отправлять естественные надобности и т.д.);

неконтролируемые (педофилия, kleптомания, каннибализм, гомосексуализм, лунатизм, садизм, пиромания, наркозависимость и т.д.);

коммуникативно-подражательные (стремление повторить поступок другого);

рефлекторные (мгновенная реакция на опасность в экстремальных ситуациях).

Как видим, потребность есть не что иное, как опредмеченная «нужда в чем-то или ком-то, желание иметь что-то или обладать чем-то. Она определяет избирательность восприятия мира, фиксируя внимание человека на тех объектах, которые имеют способность утолять потребности, то есть, это движущая сила человеческой активности, причина многих наших действий и поступков»⁵⁹. Иными словами, как писал И. Бентам, «стремления основной массы людей во все времена направлены на удовлетворение потребностей при испытании минимальных страданий и лишений»⁶⁰. При этом та или иная потребность, ставшая пусковым механизмом мотивации преступного поведения, порой бывает переплетена с иными факторами ментального, социального, природного и т.д. характера (к примеру, похоть и самоутверждение). Поэтому возможны одномоментные «сосуществования» разнотипных потребностей, в т.ч. и в механизме индивидуального преступного поведения.

Конечно, автор статьи далек от мысли, что неудовлетворенная потребность всегда порождает преступление. Это, естественно, не так. Но в то же время одно несомненно: каждое конкретное умышленное преступление есть непосредственный результат реализации той или иной неудовлетворенной потребности человека, так как даже гипотетически трудно представить тот или иной поступок, решение или действие человека, которые не были бы мотивированы теми или иными его потребностями. Это позволяет предположить, что неудовлетворенная потребность является универсальной причиной всех без исключения умышленных преступлений.

* * *

Таким образом, данные, полученные в ходе исследования проблем патогенеза преступности

⁵⁹ Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/node47.html> (дата обращения: 01.08.2021).

⁶⁰ Цит. по: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Указ. соч. С. 557.

и этиологии преступного поведения, дают основание для выдвижения следующих выводов:

1) в человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от противоправных деяний, так как такое поведение является потенциальным свойством каждого, заложенным в его жизненную программу;

2) многие виды индивидуального преступного поведения не являются продуктом социального конструкта. Они есть исторически обусловленная объективная закономерность, утвердившаяся задолго до возникновения государства и права, в силу чего этиология и бытие многих видов умышленных преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя;

3) существует универсальная причина преступности в мире, и она отнюдь не заключена в окружающих человека реальностях, т.к. таится в самом *Homo sapiens*⁶¹;

4) корень детерминанта преступности носит бинарный характер и состоит из двух нелинейных компонентов: генетических и внешних факторов, процесс слияния которых в интегрированное единство порождает неприсущее им в отдельности качество (синергетический эффект) – конкретное преступление;

5) мотивацией всех умышленных преступлений выступает неудовлетворенная потребность различного уровня и этиологии, реализовать которую виновный не смог (не захотел) в рамках правового поля. Все остальные факторы экономического, социального и т.д. характера, влияющие или участвующие в формировании преступной мотивации, являются факультативными;

6) в механизме индивидуального преступного поведения потребности играют роль доминанты. Что же касается внешних факторов (естественных, техногенных, социальных), то они в механизме детерминации преступного поведения играют лишь сопутствующую роль (повод, условия и т.д.).

С учетом вышеизложенного можно с высокой долей вероятности предположить, что:

причины преступности гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им конкретное преступление – это не что иное, как генетически обусловленный опредмеченный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в геноме *Homo sapiens* в alertном состоянии, который активизируется при сцеплении с определенными внешними факторами

⁶¹ Как справедливо отмечает И.М. Рагимов, «причина преступного поведения находится не вовне, а внутри самого человека, так как склонность к злу, греху, преступлению заложена в душе человека» (см.: Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020. С. 160, 161).

природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог или не захотел реализовать в рамках закона.

Как видно из приведенной выше гипотезы, без соприкосновения с внешними факторами естественного, техногенного или социального характера генетически заданный поведенческий акт деструктивно-волевого характера не может активироваться, т.к. «в самом состоянии потребности предмет, способный удовлетворить эту потребность, не отражен, не зафиксирован. Но когда такой предмет обнаруживается, психика отражает его, и образ этого предмета может стать мотивом поведения»⁶². Поэтому роль таких внешних факторов, как повод для преступления, условия, способствующие его совершению, и т.д., не менее значима, чем генетические предпосылки⁶³.

Словом, ничто из этого (т.е. генетического или социального, техногенного или природного фактора) не первично, но в то же время и те, и другие одинаково важны. В этом и проявляется бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения⁶⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик Вячеслав Степин: станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции? URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.09.2020).
2. *Амосов Н.М.* Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.
3. *Бастрыкин А.И.* Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0
4. *Васильченко М.* Человек не контролирует себя полностью. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (дата обращения: 07.05.2021).
5. *Герцензон А.А.* Против биологических причин преступности (очерк первый) // Вопросы предупреждения преступности. М., 1966. Вып. 4. С. 12, 13.
6. *Гилинский Я.И.* Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Росс. ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 382–398.
7. *Гилинский Я.И.* Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня. 2009. С. 331.
8. *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021. С. 5, 6, 17, 34, 165.
9. *Горшенков Г.Н.* Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 163, 174.
10. *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2008. С. 9.
11. Давыдова Ю.Д., Литвинов С.С., Еникеева Р.Ф. и др. Современные представления о генетике агрессивного поведения // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. Т. 22. № 6.
12. *Достоевский Ф.М.* Униженные и оскорбленные. Роман. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (дата обращения: 12.05.2021).
13. *Драгович А.Ю., Боринская С.А.* Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. № 12.
14. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 15, 63, 341.
15. *Зеленков М.Ю.* Социальная конфликтология (базовый курс). М., 2011. С. 33, 35.
16. *Игнатов А.Н.* О биосоциальной природе преступности // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2016. С. 69.
17. Ид, Эго и Супер-Эго, защитные механизмы или теория Фрейда. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (дата обращения: 08.01.2021).
18. *Карпец И.И.* О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. государство и право. 1964. № 4. С. 96.
19. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 330.
20. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 2004. С. 47.

⁶² Общая психология: психология личности: учеб. издание. Раздел: Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (дата обращения: 27.08.2021).

⁶³ Как пишет М.Ю. Зеленков, «поводом для конфликта служит явление, которое способствует его возникновению, но не определяет появление конфликта с необходимостью. В отличие от причины, повод возникает случайно и может создаваться искусственно, как говорят, “на пустом месте”. Причина же отражает закономерную связь вещей» (см.: *Зеленков М.Ю.* Указ. соч. С. 33).

⁶⁴ Естественно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все неизведанные пласты патогенеза преступности и этиологии преступного поведения, детально раскрыть механизм индивидуального преступного поведения, обосновать аргументы автора по тем или иным выдвинутым положениям и т.д. Однако, невзирая на это, нельзя исключить, что статья будет воспринята читателями амбивалентно.

Эти опасения усиливаются еще и тем, что в ней содержится ряд авторских допущений, привносящих в рассматриваемую проблему нестандартные подходы, суждения и выводы, которые по многим параметрам не согласуются с устоявшимися в криминологии парадигмами. Поэтому автор с благодарностью примет любые конструктивные замечания и рекомендации читателей по содержанию вынесенных на обсуждение юридической общественности узловых моментов концепции предложенной доктрины.

21. Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 19.
22. Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // Вопросы рос. юстиции. 2020. № 9.
23. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91, 137.
24. Лунеев В.В. Криминология. М., 2016. С. 45.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1982. С. 102.
27. Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.
28. Медведев Ю. Сам себе зомби. Что на самом деле управляет поступками человека. URL: <https://tg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (дата обращения: 21.03.2021).
29. Мор Т. Утопия. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (дата обращения: 09.06.2021).
30. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 62, 107.
31. Общая психология: психология личности: учеб. издание. Раздел: Понятия «мотивация», «потребность», «мотив». URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (дата обращения: 27.08.2021).
32. Пинкер Ст. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.
33. Познышев С.В. Предисл. к кн. Э. Ферри «Уголовная социология». М., 1908. С. 10.
34. Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020. С. 160, 161.
35. Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 554.
36. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. М., 2010. С. 112.
37. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2008. С. 11.
38. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
39. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1904. С. 38.
40. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 556, 557.
41. Шестаков Д.А. Криминология: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 135, 136.
42. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 15, 17, 18, 34.

REFERENCES

1. Academician Vyacheslav Stepin: will a person become an intermediate link on the way to another thinking substance? URL: <https://iz.ru/news/350395> (accessed: 30.09.2020) (in Russ.).
2. Amosov N.M. Modeling of thinking and psyche. Kiev, 1965. P. 96 (in Russ.).
3. Bastrykin A.I. Review of the book by Professor I.M. Ragimov "Religion and Punishment" (St. Petersburg, 2020.— 217 p.) // State and Law. 2021. No. 4. P. 88. DOI: 10.31857/S102694520014363-0 (in Russ.).
4. Vasilchenko M. A person does not control himself completely. URL: <https://humanscan.ru/chelovek-ne-kontroliruet-sebya-polnostyu/> (accessed: 07.05.2021) (in Russ.).
5. Herzenzon A.A. Against biological causes of crime (first essay) // Issues of crime prevention. M., 1966. Issue 4. P. 12, 13 (in Russ.).
6. Gilinsky Ya. I. Genesis of crime. The problem of causality in criminology // Russ. yearbook of Criminal Law. 2007. No. 2. P. 382—398 (in Russ.).
7. Gilinsky Ya. I. The construction of deviance: problematization of the problem // Petersburg Sociology today. 2009. P. 331 (in Russ.).
8. Gilinsky Ya. I. Criminology of postmodernity (neocriminology). SPb., 2021. P. 5, 6, 17, 34, 165 (in Russ.).
9. Gorshenkov G.N. Sketches about life and criminological creativity. N. Novgorod, 2017. P. 163, 174 (in Russ.).
10. Huseynov A.A. Great prophets and thinkers: Moral teachings from Moses to the present day. M., 2008. P. 9 (in Russ.).
11. Davydova Yu. D., Litvinov S.S., Enikeeva R.F., etc. Modern ideas about the genetics of aggressive behavior // Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding. 2018. Vol. 22. No. 6 (in Russ.).
12. Dostoevsky F.M. Humiliated and insulted. Roman. URL: <https://avidreaders.ru/book/unizhennye-i-oskorblennye.html> (accessed: 12.05.2021) (in Russ.).
13. Dragovich A. Yu., Borinskaya S.A. Genetic and genomic basis of aggressive human behavior // Genetics. 2019. No. 12 (in Russ.).
14. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetics, behavior, responsibility. About the nature of antisocial acts and ways to prevent them. 2nd ed., reprint and additional. M., 1989. P. 15, 63, 341 (in Russ.).
15. Zelenkov M. Yu. Social conflictology (basic course). M., 2011. P. 33, 35 (in Russ.).
16. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime // Herald of St. Petersburg State University. Ser. 14. Law. 2016. P. 69 (in Russ.).

17. Id, Ego and Super-Ego, defense mechanisms or Freud's theory. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/id> (accessed: 08.01.2021) (in Russ.).
18. *Karpets I.I.* On methodology in criminal law and criminological research // *Sov. State and Law*. 1964. No. 4. P. 96 (in Russ.).
19. *Criminology* / under the general editorship of A.I. Dolgova. M., 2001. P. 330 (in Russ.).
20. *Criminology* / under the editorship of V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. M., 2004. P. 47 (in Russ.).
21. *Criminology: textbook* / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneev. M., 2004. P. 19 (in Russ.).
22. *Larin V.N.* On the genealogy of the biosocial theory of the criminal personality // *Russ. questions justice*. 2020. No. 9 (in Russ.).
23. *Lenin V.I.* Materialism and empiriocriticism // *Lenin V.I. The Complete Works*. Vol. 18. P. 91, 137 (in Russ.).
24. *Luneev V.V.* *Criminology*. M., 2016. P. 45 (in Russ.).
25. *Marx K., Engels F.* Selected letters. M., 1948. P. 104 (in Russ.).
26. *Marx K., Engels F.* *Essays*. M., 1982. Vol. 20. P. 102 (in Russ.).
27. *Maslov V.A.* The doctrine of Gabriel Tarde about the personality of a criminal // *Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3 (37). P. 112 (in Russ.).
28. *Medvedev Yu.* He's a zombie to himself. What actually governs a person's actions. URL: <https://rg.ru/2019/05/14/chto-na-samom-dele-upravliaet-postupkami-cheloveka.html> (accessed: 21.03.2021) (in Russ.).
29. *More T.* Utopia. URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html (accessed: 09.06.2021) (in Russ.).
30. *Noy I.S.* Methodological problems of Soviet criminology. Saratov, 1975. P. 62, 107 (in Russ.).
31. *General psychology: psychology of personality: studies*. edition. Section: The concepts of "motivation", "need", "motive". URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met121/met121.html> (accessed: 27.08.2021) (in Russ.).
32. *Pinker St.* Blank sheet. Human nature. Who and why refuses to recognize it today / transl. from English. M., 2018. P. 520 (in Russ.).
33. *Poznyshev S.V.* Preface to the book by E. Ferry "Criminal Sociology". M., 1908. P. 10 (in Russ.).
34. *Rahimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020. P. 160, 161 (in Russ.).
35. *Spinoza B.* Selected works. M., 1957. Vol. 1. P. 554 (in Russ.).
36. *Tard G.* The criminal and the crime. Comparative crime. Crime of the crowd. M., 2010. P. 112 (in Russ.).
37. *Freud S.* Psychology of the unconscious. M., 2008. P. 11 (in Russ.).
38. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. M., 1994 (in Russ.).
39. *Chicherin B.N.* Philosophy of Law. M., 1904. P. 38 (in Russ.).
40. *Shalagin A.E., Khrustaleva O.N.* Theories of criminal behavior: from the origins to the present // *Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. Vol. 9. No. 4. P. 556, 557 (in Russ.).
41. *Shestakov D.A.* *Criminology: studies for universities*. 2nd ed., reprint. SPb., 2006. P. 135, 136 (in Russ.).
42. *Shestakov D.A.* Crime theory and fundamentals of branch criminology. SPb., 2015. P. 15, 17, 18, 34 (in Russ.).

Сведения об авторе

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович — доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований; Азербайджанская Республика, г. Баку

Authors' information

ALIKPEROV Khanlar Dzh. — Doctor of Law, Professor, Director of the Centre of Legal Researches; Baku, the Republic of Azerbaijan